

«Лит. газета», 1948, 13 сент.

В ТЕЧЕНИЕ четырех за-
черов Виктор Борисович
Шкловский размышлял
с телеэкрана о жизни, твор-
честве, исторической судьбе
и истоках бессмертия Льва
Николаевича Толстого. Фильм
«Слово о Льве Толстом» (авто-
ры В. Шкловский и Ю. Белан-
кин, музыка Г. Свиридова) —
главная премьера телевидения,
приуроченная к 150-летию ве-
ликого художника. Это предъ-
юбилейное «слово» держал
старейший советский писа-
тель, полвека отдавший изу-
чению творчества Толстого.
И фильм весь нацелен на то,
чтобы соединить в себе стро-
гость документального мате-
риала с живым, окрашенным
подчеркнуто индивидуальной
интонацией, осмыслением его.

Едва началась первая серия,
появились особенной, проник-
новенной силой фотографии
молодого Толстого. Телевде-
ние приучило нас к потоку
живой жизни, и фотографии
прошлых лет умеют на телеэ-
крane обрести плоть, воспри-
маются не как застывшие
мгновения, а как частица дви-
жущегося, бесконечно много-
образного мира. Таково свой-
ство телеэкрана вообще, и по-
явление на нем фотографий
молодого человека с упрямыми
скулами и упорным, тревожа-
тельным взглядом обрело притя-
гивающую живость, открыло
полнокровие жизненной мощи,
беспокойство души, неутомимую
требовательность Толсто-
го к самому себе.

Так и прошла она, тема не-
покая, через четыре серии, ста-
ла лейтмотивом всего доку-
ментального ряда, возникла
от фотографии к фотографии,
не тая ни драматизма своего,
ни мудрости своей по мере то-
го, как человек на фотографи-
ях, а затем и на портретах,
созданных крупнейшими ху-
дожниками России, жил, старел,
неустанно углубляясь в
себя и в этот вот движущийся

бесконечно многообразный
мир.

И логика жизни — жизни,
ставшей символом целой эпо-
хи, о чем напомнил Виктор
Шкловский, ссылаясь на ленин-
ские работы, — активно рас-
крылась, развернулась в обра-
зах-документах, достигла куль-
минации в сильнейших эпизо-
дах фильма, повествовавших о
финале жизни писателя. С гра-
фической мощью прозвучали
последние прижизненные фо-
тографии Толстого: лицо ста-
рика, слабеющего телесно, но

ТВ. ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

ПРИКОСНОВЕНИЕ К НЕИЩЕРПАЕМОМУ

сохранившего всю полноту
жизненной силы вечного иска-
теля: глаза человека непоко-
ренного и мудрого, остро вос-
принимающего бесчеловеч-
ность жизни, на которую об-
рекает миллионы людей со-
временный ему социальный
строй; взгляд, в котором во-
плотилась вся сила нравствен-
ного суда.

Фильм особенно впечатляет
там, где соединение докумен-
тального материала с образом
рассказчика органично. Но по-
рой, стремясь сделать интеръ-
еры толстовских усадеб — яс-
нополянской и хамовницкой
— подчеркнuto обжитыми, ре-
жиссер чересчур увлекается
чисто внешним обыгрыванием
фигуры рассказчика в этих ин-
терьерах. Интерьеры обжиты
и без этого: Виктор Шкло-
вский в лучших эпизодах филь-
ма придает максимальное
напряжение диалогу, который
он ведет с Толстым и вести
который зовет, учит зрителя.

Благодаря слову Шкловско-

го, благодаря «документально-
му ряду» возникает эффект
присутствия духовного. Эф-
фект этот порождается зри-
тельским сопереживанием то-
го, о чем более всего гово-
рит фильм, сопереживанием
простого и бесконечного фак-
та: шла жизнь. Жизнь, вме-
стившая в себя целый мир и
оставшаяся в памяти целого
мира.

Теледиалог с Толстым, ко-
торый мы вели от серии к се-
рии, оказался в целом значи-
тельным, насыщенным. Он,

можно сказать, утверждает
жанр, тип телеповествования,
но и предупреждает: небез-
опасно, когда режиссура идет
по пути, так сказать, кратчай-
шему, когда камера на-
правляется на рассказчика,
не всегда озабоченная тем,
что само слово такого со-
автора фильма, как Вик-
тор Шкловский, побуждает
зрителя пристальнее взгляды-
ваться в глаза Толстого, в то-
лстовскую рукопись, испещрен-
ную чистейшей правдой, в
интерьер, в пейзаж, в иллю-
страцию к произведениям пи-
сателя. Эта потребность зри-
теля, подчеркнута, вызвана за-
конами монолога, который вел
Виктор Шкловский. И, при
всем обилии документального
материала, его все же порой
недоставало на экране. Ко-
гда же эта, усиленная словом
Шкловского, потребность зри-
теля в документе полностью
удовлетворилась (например,
нам показали полностью до-
кументальную киноленту о по-

хоронах Толстого), тогда и воз-
никла особая, волнующая на-
пряженность диалога. Тогда и
монолог писателя, превра-
щаясь в диалог, обретал мак-
симальную меру насыщенно-
сти, внутренней страстности.
Так было особенно в первой
и четвертой сериях, в которых
Толстой раскрылся рельефно,
мощно. Уж, кажется, хресто-
матийный факт: молодой Тол-
стой взял да и неожиданно
для самого себя отправился на
Кавказ. А у Шкловского, у те-
левидения факт прозвучал так,
будто миллионы зрителей —
как домашние Толстого —
только что узнали, что челове-
ка вдруг да и нет дома, что он
взял да и **отправился**. И как
«откликнулся» этот эпизод
в рассказе о предсмертном
уходе Толстого из Ясной По-
ляны!

Виктору Шкловскому осо-
бенно удалась своего рода
«тема неожиданного» в жи-
зни, в мысли, в творчестве Тол-
стого. Неожиданное, пред-
стоящее как внутреннее зако-
номерное, необходимое, неиз-
бежное; а за всем этим, за
предостережением зрителю не
воспринимать произведение
искусства как реализацию за-
ранее известной художнику
схемы, исподволь открылась и
суть творчества.

Фильм хочется оценивать не
с позиций академической пол-
ноты и строгости, а по зако-
нам той индивидуальной инто-
нации, которую программно
избрали его создатели. Фильм
«Слово о Льве Толстом» —
открыто искательский, и зада-
чу свою Виктор Шкловский
явно видел в том, чтобы раз-
будить в душе многомиллион-
ного зрителя ощущение неис-
черпаемости Толстого, жела-
ние вернуться к его произве-
дениям, понимание того, что
постигнуть Толстого — дело
всей человеческой жизни...

В. КИСУНЬКО